

масштабы «воровства», во главе которого стояли сами воеводы⁴. Дела этих сысков уже анализировались в исследованиях и было бы весьма целесообразно привлечь их прежде всего для публикации.

Специалисты-сибиреведы должны быть благодарны составителям и издателям за выпуск в свет такого обширного и содержательного свода документальных материалов.

В. А. Александров

⁴ Например, в 1660-х гг. якутский воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов самолично отправил из Сибири колоссальное количество соболей — 573 сороков, пятая часть которых была им получена за счет ясачных людей. Другие якутские воеводы вели себя так же. — См. В. А. Александров, Народные восстания в Восточной Сибири в XVII в., «Исторические записки», 59, 1957, стр. 264—267.

И. Н. Винников. Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969, 359 стр.

«Два араба на берегу арыка сидели. Эмир Тимур верхом на коне к арыку подъехал. Конь рот открыл, воды напился. Под языком у него клеймо было. Арабы клеймо это увидели. Эмир уехал. Арабы вслед за ним пошли. Пришли, эмиру сказали: «Этот конь наш!» Эмир сказал: «Конь мой!», «Нет наш!» — арабы сказали. Эмир сказал: «Он у меня родился! Мой жеребчик!» Арабы сказали: «Он наш! У него примета есть!» «Где у него примета?» — эмир спросил. «Под языком у него примета!» — арабы ответили. Открыли коню рот, посмотрели — примета. Арабы забрали коня. Эмир разгневался. «Всех арабов соберу, перережу; их кровью жернова буду вертеть!» — сказал. Ходжа Хайдари эмиру сказал, «Не убивай их. Выгони их из их страны, [особым] арабским налогом их обложи!» Эмир из [родного] дома их выгнал, погнал их, в разных местах бросил. Особый — арабский налог на них наложил. Когда бухарские стены обрушились, на арабские деньги [новые] стены возвели»¹.

Так рассказывается о появлении арабов в Средней Азии в одной из арабских легенд. Научная литература XIX в. мало что могла добавить к этой легенде. Сведения о происхождении, расселении, численности и образе жизни среднеазиатских арабов были скупы, случайны, часто противоречивы. Только в 1922 г. знаменитый русский востоковед В. В. Бартольд, намечая новые задачи изучения Туркестана, впервые указал на важность систематического исследования языка и культуры среднеазиатских арабов². Позднее в результате деятельности комиссии по районированию Средней Азии, проведения Всесоюзной переписи населения в 1926 г., Самаркандской этнографической экспедиции (1921 г.) и антропологической экспедиции, организованной Узбекской ССР (1927 г.)³, были получены некоторые сведения о численности, быте и антропологическом типе среднеазиатских арабов. Наибольшее внимание привлекло сообщение этнографов Н. Н. Буркиной и М. М. Измайловой, установивших, что в двух кишлаках Узбекской ССР — Джогари Бухарской области и Джейнау Кашкадарьинской области — сохранился живой арабский язык⁴.

Серьезное научное изучение вопроса началось в середине тридцатых годов после поездки в этот район семитолога-лингвиста Г. В. Церетели, сделавшего ряд наблюдений по поводу фольклора и диалектов местного арабоязычного населения⁵. В 1936 г., по инициативе И. Ю. Крачковского, Институт востоковедения АН СССР направил в Узбекистан первую специальную экспедицию в составе И. Н. Винникова, К. В. Оде-Васильевой и Г. В. Церетели для общего обследования среднеазиатских арабов. В 1938 г. по заданию Института этнографии АН СССР полевые исследования были продолжены семитологом и этнографом И. Н. Винниковым, совершившим в общей сложности пять поездок к среднеазиатским арабам, что позволило ему систематически исследовать данную группу и собрать обширный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Рецензируемый сборник охватывает лишь часть этого материала. Арабам Советского Союза посвящены другие работы ученого⁶.

¹ И. Н. Винников, Язык и фольклор бухарских арабов, М., 1969, стр. 140, 141.

² В. В. Бартольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, сб. «Наука и просвещение», № 2, Ташкент, 1922.

³ М. С. Андреев, Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XVII, Ташкент, 1924; Л. В. Ошанин, Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929.

⁴ Н. Н. Буркина, М. М. Измайлова, Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа Узбекской ССР, «Записки Коллегии востоковедов», т. V, 1930.

⁵ Г. В. Церетели, Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии, «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, 1939; его же, Арабские диалекты Средней Азии (I — Бухарский арабский диалект), Тбилиси, 1956.

⁶ И. Н. Винников, Арабы в СССР, сб. «Сов. этнография», вып. IV, М.—Л., 1940; его же, Арабы Средней Азии, «Ат-Тарик», № 13, Бейрут, 1943; его же, Словарь диалекта бухарских арабов, М.—Л., 1962; его же, Материалы по языку и фольклору бухарских арабов, сб. «Советское востоковедение», вып. VI, 1949; его же, Фольклор бухарских арабов, «Acta Orientalia», VI, Будапешт, 1956; его же, Образцы фольклора бухарских арабов, «Archiv Orientalni», Prague, 1957; его же, Изучение

В течение многих лет И. Н. Винников публиковал научные статьи, посвященные языку, фольклору и другим сторонам культуры арабов СССР. В книге «Язык и фольклор бухарских арабов» собрано 67 текстов, записанных в кишлаках Джогари и Араб-ханà со слов 10 информаторов-арабов в возрасте от 25 до 64 лет (среди них одна женщина). Представленный материал носит по преимуществу фольклорный характер, раскрывая перед читателем причудливый мир восточной сказки, населенный дивами, красавицами пери, злыми духами в образе женщин — «албасть», героями, ищущими чудесное дерево — «баргитумй», от листьев которого прозревают слепцы, а местная баба-яга втягивает проезжих молодцев в спор о том, простоят ли зажженный светильник на кошке до утра или упадет.

Некоторые сказочные персонажи и атрибуты нам хорошо знакомы: золотая рыбка (правда, лишенная волшебного дара), среднеазиатская Золушка, которой злая мачеха приказала разобрать джугару и просо, пока сама пирует у эмира, шапка-невидимка, скатерть-самобранка, чудо-зеркальце и многое другое.

В сказочном мире, как и в мире действительном, уживаются свет и тени — праведник Мустафа, уничтожающий своей любовью к ближним один ад за другим, и ночной вор, глупый скупой бай и лукавый бедняк Хамада́к, напоминающий пушкинского Балду, сокрушающие горы богатыри и дряхлый старик из сказки «Искендер», сильный только многоопытной мудростью.

Народная фантазия с особенной любовью обращается к образам непобедимых богатырей, перед которыми пасует любая несправедливость. Тут и 'Алий ибн Та́либ, превратившийся из объекта религиозного почитания в народного героя, своеобразного мусульманского Гера́кла, не расстающегося со своим мечом Зульфикаром, и Ахмед Замчи́, который возит дрова на льве да при случае опрокидывает дома, и могучая девица Зуфну́н, знающая «богатырское слово». Но, пожалуй, наиболее колоритен веселый исполнн Хамза из сказки про эмира Ануширва́на — под ним кони ломают хребты, брошенный им в воздух противник скрывается из глаз и лишь четыре часа спустя начинает только приближаться к земле, а когда Хамза хочет издать боевой клич, он прежде подбрасывает тибетейку, чтобы по этому знаку собравшиеся под его алым знаменем воины успели заткнуть уши ватой.

Многие истории народных сказителей искрятся юмором. Им пронизаны забавные рассказы о животных, волшебные и бытовые сказки и, разумеется, анекдоты о глупцах из кишлака Ши́рин, воскрешающие в памяти легендарных недотеп-пошехонцев.

Живя в тесном повседневном контакте с таджиками и узбеками, среднеазиатские арабы, естественно, восприняли сюжеты, характерные для фольклора ираноязычных и тюркоязычных народов. Многие сказки («Гур-оглы», «Ахмед и Юсуф» и др.) навеяны известными образцами среднеазиатского фольклора. Самобытные арабские мотивы занимают скромное место в сказаниях бухарских арабов. Некоторые тексты сборника близки к устным народным историям, бытовавшим у арабов Сирии, Ирака, Египта. Среди них рассказ об известном необычайной щедростью доисламском поэте Хатиме из племени тайй, реминисценции на тему легенды об Иосифе Прекрасном и т. д.

В предисловии к сборнику И. Н. Винников пишет об интересном процессе вторичной фольклоризации древних народных сюжетов, уже получивших некогда литературную обработку⁷. Иногда это известно и самому сказителю. Так, например, 'Алим сын Курба́на, закончив сказку про эмирскую дочь Зуфну́н, считает нужным разъяснить: «Этот рассказ взят из книги... Я запомнил его... людям как сказку я его рассказываю»⁸.

К началу XX в. основная масса среднеазиатских арабов была уже ассимилирована. Арабы, с которых бухарский эмир взымал особенно тяжелые поборы, скрывали свою национальную принадлежность, усваивали язык окружающего населения, воспринимали его быт. Оказались утраченными даже народные арабские песни; возможно, их след сохранился лишь в поэтической речи влюбленных из сказок «Тахир и Зухра» и «Наджмо́н». Вместе с тем в своем фольклоре среднеазиатские арабы донесли до нас наиболее стойкие элементы духовной культуры, бережно передававшиеся от одного поколения к другому, несмотря на все невзгоды и испытания.

Пять текстов из 67, вошедших в сборник, занимают в нем особое место. Это записи не народных сказок, а рассказы о нелегкой судьбе бухарских арабов. В обоих кишлаках — Джогари и Араб-ханà — сохранилась память об «араб-пули́», денежном налоге, взымавшемся эмиром только с арабов. (В начале рецензии цитируется джогарийский вариант этого рассказа). О другом дополнительном налоге — уже не деньгами, а людьми — говорится в тексте «Эмир 'Алим-хан», записанном в Араб-ханà, там же сообщается о разорительном похоронном обряде, бытовавшем у арабов Араб-ханà до революции.

арабов Средней Азии в годы Великой Отечественной войны, «ЛГУ. Научная сессия 1945 г. Тезисы докладов по секции востоковедения», Л., 1945; его же, Женщина и ее роль в сохранении культурной традиции у среднеазиатских арабов, «ЛГУ. Научная сессия 1946 г. Тезисы докладов по секции востоковедения»; его же, Цеховой устав в передаче среднеазиатских арабов, сб. «История и филология стран Востока», «Уч. зап. ЛГУ», вып. 7, серия востоковедческих наук, Л., 1958.

⁷ И. Н. Винников, Язык и фольклор бухарских арабов, стр. 9.

⁸ Там же, стр. 199, 202.

В заключение нельзя не отметить очевидную удачу перевода текстов на русский язык. В своем переводе И. Н. Винников с большим успехом сочетает научную точность с тонким художественным вкусом, передает речевой строй и дух восточного подлинника. Уместно вспомнить, что В. М. Жирмунский, глубоко интересовавшийся среднеазиатским эпосом, высоко ценил работу И. Н. Винникова.

Итак, в научный обиход введен ценный лингвистический и фольклорный материал, имеющий важнейшее значение для изучения бухарских арабов.

М. А. Родионов

М. Я. Сушанло. Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971, 305 стр.

Изучение культуры и быта народов Советского Союза — важная и актуальная задача советских ученых-этнографов как с научной, так и с политической точки зрения. В 1966 г. закончено издание 18-томной серии «Народы мира», большая часть ее посвящена народам СССР. Значительным достижением советской этнографической науки следует считать опубликованные в последние годы монографии, посвященные конкретным народам нашей Родины («Ульчи» А. В. Смоляк, «Ненцы» Л. В. Хомич, «Нивхи» Ч. М. Таксами, «Кеты» Е. А. Алексеенко, «Эвенки» Г. М. Василевич, «Коряки» В. В. Антроповой, «Киргизы» С. М. Абрамзона и др.).

Только что опубликованная Отделом востоковедения Академии наук Киргизской ССР монография М. Я. Сушанло «Дунгане (историко-этнографический очерк)», несомненно, займет достойное место среди работ такого рода. Автор ее — Мухаммед Ясызович Сушанло — первый дунганин, получивший ученую степень доктора наук. Ученый совет Института этнографии АН СССР в Москве в 1970 году единогласно присудил ему эту степень. М. Я. Сушанло широко известен специалистам по этнографии народов Средней и Восточной Азии как автор большого количества работ по этнографии, истории, фольклору, филологии дунган, вышедших на русском, дунганском и киргизском языках.

Рецензируемая монография — итог кропотливого и многолетнего изучения вопросов происхождения дунган, их хозяйства и занятий, материальной и духовной культуры.

Проблеме происхождения дунган в научной литературе уделялось много внимания, высказано много различных точек зрения. Автор вполне обоснованно отвергает теорию уйгурского происхождения дунган. Справедливо признавая, что проблема этногенеза дунган является весьма сложной и дискуссионной, автор несколько по-новому подходит к решению проблем формирования северной группы китайских дунган, обосновывает участие их в формировании оседлых тангутов и подчеркивает среднеазиатские, прежде всего ирано-таджикские, а также арабские напластования, с которыми и проник ислам в Китай в VIII в. Потомки именно северной группы дунган бежали из Китая в 70—80 годы XIX в. после поражения дунганского восстания против правившей тогда в Китае маньчжурской Цинской династии и поселились в Средней Азии, среди казахов и киргизов.

Однако при разработке вопросов этнической истории северной группы дунган М. Я. Сушанло недостаточно подчеркивает тот факт, что северные китайцы, составившие основной пласт в этногенезе этой группы дунган, сами являются сложным этническим образованием, впитавшим в себя многие разнородные этнические компоненты, прежде всего тибетские, иранские, тюркские и другие. Таким образом, к началу формирования хуэй как этно-конфессиональной группы северные китайцы, особенно их западные группы, уже включали в свой состав тибето-тангутские и иранские компоненты. Увеличение доли последних в этнической истории северных хуэй играло значительную роль в формировании особенностей их антропологического облика.

Убедительно, с привлечением нового полевого этнографического материала написана вторая глава «Хозяйство и занятия». Значительный научный интерес представляет третья глава, посвященная материальной культуре дунган. В книге подробно описаны дунганские орудия труда, промыслы и ремесла, жилище, пища, одежда и украшения. Большой заслугой автора является то, что ему удалось показать не только специфически дунганское как в области хозяйственной деятельности, орудий труда, так и в материальной культуре, но и проследить основные направления изменения их в ходе взаимосвязей и взаимовлияний дунганского населения и окружающих его узбеков, киргизов, казахов, русских, украинцев и др. в процессе строительства социализма этими народами.

Значение собранного М. Я. Сушанло материалов по этнографии дунган будет возрастать, так как многое уходит из жизни, и его описание приобретает характер источника, а документированность приведенного им материала абсолютна¹. Значение этих

¹ В конце книги приложен список информаторов, сообщавших в течение многих лет полевой работы М. Я. Сушанло этнографические сведения. Знакомство со списком показывает, что информаторы были выбраны удачно: это люди старшего поколения, мужчины и женщины, из разных районов расселения дунган.